
VI. IN MEMORIAM

ВЯЧЕСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ КОШЕЛЕВ — ПУШКИНИСТ

Научные интересы Вячеслава Анатольевича Кошелева (1950—2020) — известного литературоведа, доктора филологических наук, профессора, работавшего в разные годы в вузах Череповца, Великого Новгорода, Арзамаса, — были чрезвычайно широки: от Ломоносова до Башлачева. Общий список его трудов составляет около восьмисот названий.¹ Среди русских классиков девятнадцатого столетия — а именно оно было главным историко-литературным полем работы ученого — едва ли найдется фигура, ни разу не привлекавшая его исследовательское внимание. Но все же особое место в его работе занимал Пушкин; по объему и значимости написанного им об этом поэте рядом можно поставить разве что Батюшкова, творчеству которого Вячеслав Анатольевич посвятил свою докторскую диссертацию (1987) и фигуру которого он естественным образом соотносил с фигурой его (Батюшкова) великого последователя; показательно название одной из книг В. А. Кошелева о Батюшкове: «В предчувствии Пушкина».²

Пушкиноведческое наследие В. А. Кошелева включает в себя несколько книг и множество статей, значительная часть которых, как ручьи в реки, «впадала» в книги. Он формировался как ученый и работал в русле пушкинодомской традиции: в ИРЛИ был в свое время аспирантом; позже постоянно сотрудничал с институтом, публиковал свои работы в академических изданиях. А традиция эта

¹ См.: Опубликованные научные труды В. А. Кошелева // «Чужое: мое сокровище!»: Сб. статей памяти В. А. Кошелева / Отв. сост. А. В. Кошелев. Великий Новгород, 2022. С. 402—457.

² См.: Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков, 1995.

предусматривает культ факта, опору на рукописные материалы, на творческую историю произведения, рассмотрение его в конкретном историко-литературном ракурсе, вообще некоторый «позитивизм» (у В. А. Кошелева он проявляется, в частности, в постоянной опоре на словари, на лексические значения пушкинской эпохи, в которых ему виделся ключ к истолкованию того или иного текста).

Обратимся к пушкиноведческим книгам профессора Кошелева. Две из них, хронологически первые, посвящены отдельным произведениям поэта и содержат подробный анализ их творческой истории и их литературного контекста. Книга о поэме «Руслан и Людмила»,³ написанная на грани между научным и научно-популярным жанрами (оглядка на сравнительно широкого читателя для профессионального преподавателя естественна), — насколько нам известно, единственная в пушкинистике большая монографическая работа, посвященная этому произведению. Эту книгу можно назвать своеобразной литературной энциклопедией эпохи юности Пушкина. Главная цель, которую ставил в ней перед собой исследователь, — воссоздание историко-литературного генезиса «древнерусской» поэмы, который национальными корнями, как явствует из книги, не ограничивается. Круг ее источников включает в себя иноязычные литературные произведения, в пушкинскую эпоху воспринимавшиеся уже как классические: «Неистового Роланда» Ариосто, «Орлеанскую деву» Вольтера, творения Оссиана и Парни, переводных «Бову Королевича» и «Еруслана Лазаревича»... Рецензировавший книгу М. В. Строганов счел влияние европейских авторов в «Руслане» в трактовке В. А. Кошелева преувеличенным (по сравнению с влиянием русской прозы — Чулкова, Попова, Левшина).⁴ Но, может быть, одно другому в этом универсальном и объемном поэтическом своде не мешает? Тем более что и сам Кошелев пишет о влиянии довольно мягко, без нажима, зато подчеркивает пушкинскую оригинальность. Что касается бесспорных в этом смысле «Бовы» и «Еруслана», то они хотя и считались по преимуществу явлением «низовой» словесности, имели в нашей культуре более широкое значение и воспринимались Пушкиным «как символ текста, стоящего у начала человеческой жизни, как непрменный атрибут русского детства».⁵ Заметим, что анализ эпизода с головой в пушкинской поэме на фоне текста «Еруслана Лазаревича» и в контексте творче-

³ См.: Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997.

⁴ См.: Строганов М. [Рец.] // Новое литературное обозрение. 1998. № 5 (33). С. 412. См. здесь же, на с. 411—412, возражения касательно вопроса о соотношении редакций поэмы 1820 и 1828 годов.

⁵ Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. С. 44.

ства самого Пушкина превосходит и составляет одно из «ударных» мест книги. И, отвлекаясь на минуту от пушкиноведческой тематики, напомним, что проблема национального самосознания вообще очень интересовала ученого, сначала посвятившего славянофильскому течению кандидатскую диссертацию (1977), а со временем ставшего автором нескольких книг, написанных в русле этой проблемы (в частности, об Аксаковых и Хомякове).

Во-вторых, книга о «Руслане» воссоздает современный для молодого Пушкина русский литературный контекст, в котором поэма замышлялась и создавалась. Здесь в центре внимания оказывается жанровая природа пушкинского произведения. Она имеет, как показывает В. А. Кошелев, «арзамасское» происхождение: среди членов этого литературного общества зрела мысль о необходимости «образцовой» поэмы, «на которую можно было бы указать как на безусловное достижение, отразившее литературные вкусы “новейшей эпохи”». ⁶ Пушкин, как показано в книге, отталкивается от накопленного к тому времени нашей литературой опыта в жанре «русской» поэмы («Илья Муромец» Карамзина, «Добрыня» Львова и др.) и создает своего «Руслана» с учетом опыта баллад Жуковского (особое внимание исследователь уделяет, естественно, пушкинской сцене с Ратмиром в «царстве красавиц» как полемически-пародийному отклику на один из эпизодов «Двенадцати спящих дев» «побежденного учителя»). Особая грань контекста — «открытая театральность» пушкинской поэмы, ставшая темой отдельной главки (Пушкин создает «Руслана», напомним, в годы сильного увлечения театром, запечатленного вскоре в первой главе «Онегина»). И наконец, суммированы в книге отклики современников на появление поэмы и обстоятельства дальнейшей судьбы произведения, в том числе — дан историко-культурный комментарий к знаменитому его прологу («У Лукоморья...»), появившемуся во втором издании (1828).

Вслед за книгой о «Руслане» в год большого пушкинского юбилея (1999) В. А. Кошелев выпускает книгу «“Онегина” воздушная громада...»; спустя десять лет ее переработанное и дополненное переиздание открыло собой серию «Монографии участников “Болдинских чтений”», ныне насчитывающую около десятка книг. ⁷ Кстати, в этой же серии недавно вышла книга сына ученого — Анатолия Вячеславовича, пошедшего по отцовским стопам, тоже пуш-

⁶ Там же. С. 27.

⁷ См.: Кошелев В. А. «Онегина» воздушная громада... СПб., 1999; 2-е изд., перераб. и доп. Б. Болдино; Арзамас, 2009.

киниста, доктора наук.⁸ Сам же Вячеслав Анатольевич приезжал в Болдино начиная с 1986 года многократно, и материалы его болдинских статей / докладов (но не только они) в книгу, конечно, вошли. Книга об «Онегине» внешне напоминает — как и сам роман — «собрание пестрых глав», но на деле эти главы или, лучше сказать, очерки выстроены, как и в предыдущей книге, вокруг двух больших проблемных узлов.

Узел первый — внутренняя жизнь романа, его уникальная природа, проявляющая себя в развитии авторского замысла, сюжетно-композиционном построении, в «противоречиях», «житейских» недосмотрах, неувязках» (например, одновременное обращение в первой главе к зимним и летним мотивам). Это внешние приметы «своевольного хотения», ставшего необычным конструктивным принципом пушкинского романа. Литературовед прочитывает «Онегина» как «небывалый доселе литературный эксперимент», где «повествователь следит за действиями и мыслями воссозданного им героя <...> но действовать предоставляет ему самому».⁹ Неожиданна и остроумна догадка пушкиниста о том, что эволюция героя в романе связана с... чтением им публикуемого главами пушкинского романа. После первоначального внутреннего сопротивления (мол, такого не может быть) понимаешь, что это вполне вписывается в особую природу пушкинского произведения, где пересечение литературы и жизни создает эффект своеобразной творческой игры. Очень убедительны анализ седьмой главы как потенциального «второго начала» романа (напомним, что глава шестая завершалась авторской припиской «Конец первой части») и реконструкция пропущенного в окончательном тексте путешествия Онегина как путешествия по Европе (Пушкин же сохранил в опубликованных фрагментах лишь российские топосы). Нам показалось только, что ученый преувеличивает роль святцев в романе, полагая, что пушкинская фраза «в нашем романе время расчислено по календарю» (вообще понимаемая пушкинистами по-разному) имеет в виду календарь православный. Трудно согласиться, например, с тем, что в подтексте появления Онегина в доме Татьяны-княгини («Идет, на мертвеца похожий») есть пасхальное содержание: дескать, дело происходит весной, на Страстной неделе (здесь следует цепочка хитроумных допущений в пользу такой привязки, но в романе это все же не сказано), а Онегин духовно «воскресает» благодаря любви. Все-таки «Евгений Онегин» — не «Преступление и наказание»,

⁸ См.: Кошелев А. В. Пушкин: Современники и наследники. Б. Болдино; Н. Новгород, 2020.

⁹ Кошелев В. А. «Онегина» воздушная громада... С. 30.

где в финале все именно так. Пушкинский роман создан в русле светской культуры, и «воскрешение» здесь другое.

Узел второй — пушкинская характеристика. Каждому из основных героев романа — Онегину, Ленскому, Татьяне, Ольге — в книге посвящены отдельные очерки, а кому-то из них даже два или три. Так, здесь мы находим подробный анализ природы онегинской «хандры» в ее «онтологическом» отличии от «английского сплина», с выходом на культурное сознание пушкинской эпохи в целом («хандрящие» Батюшков, Николай Тургенев...) и на проблематику позднейшей русской литературы: «Ему <Онегину>, как и Раскольникову (все-таки Раскольников неспроста занимает сознание пушкиниста! см. выше. — А. К.), надобно прежде всего “мысль разрешить” — то есть определить причины появления, возможности и способы излечения <...>. И для него недействительны те рецепты, которые могут быть даны в пределах трезвой житейской логики».¹⁰ И здесь же — логичный переход к фигуре Ленского, поэтичность которой (при всей авторской иронии) делает ее близкой автору, и именно поэзия, Онегину чуждая, становится, по В. А. Кошелеву, средством «утишения» томящей скуки. Автор романа и Ленский, два поэта, не «хандрят», потому Онегин и тянется к ним («С ним подружился я...»). Неспроста и стихи Ленского («отрывки северных поэм») воспринимаются исследователем в контексте пушкинской лирики середины 20-х годов: возникают любопытные параллели и переключки. В очерке об Ольге опорной становится звучащая в устах Онегина ассоциация героини с «Вандиковой Мадонной», позволяющая, с учетом ранних вариантов пушкинского текста, выстроить целый сюжет, в котором есть место не только Ван-Дейку, но и Рафаэлю, и Жуковскому как автору очерка «Рафаэлева Мадонна», и где многое объясняется «кощунственным» и оказавшимся в итоге нежелательным для Пушкина мотивом «иконы» в неожиданном поэтическом контексте (фраза Ленского в черновике третьей главы: «Всяк молится своей иконе»). Вместе с ним выпал из текста и важный для понимания образа Ольги мотив отсутствия мысли («В чертах у Ольги мысли нет»; в окончательном варианте, напомним: «жизни нет»). Образ Татьяны рассмотрен в книге в аспекте двух важных вопросов: об имени героини и о ее «русскости» («русская душою»). «Простонародность» имени, заявленная самим поэтом, рассмотрена пушкинистом в контексте «традиций литературного именованья в пушкинскую эпоху», и само имя становится «не столько бытовым знаком “простонародности”, сколько литературным

¹⁰ Там же. С. 50—51.

<...> сигналом ее народности в широком смысле: ее “старинности”, исконности типа “русской душой” женщины”.¹¹ Парадоксальное сочетание этой «русскости» и «плохого» знания русского языка («Она по-русски плохо знала, журналов наших не читала...») ученый убедительно объясняет тем, что в пушкинскую эпоху «русская литературная речь находится еще в процессе становления».¹²

В дополнение к «онегинскому» сюжету напомним, что В. А. Кошелев был одним из составителей двухтомной «Онегинской энциклопедии» (1999—2004), и для этого издания им написаны около восьмидесяти словарных статей, в том числе такие значимые, как «Английский сплин и русская хандра», «Время», «Деревня», «Дорога», «Семья, семейство», «Читатель»...

Две другие книги ученого связаны общей проблемой — проблемой соотношения в пушкинском творчестве «предания», «мифологии», с одной стороны, и реальности, биографической и исторической, — с другой. Книга «Пушкин. История и предание»¹³ включает в себя очерки, написанные именно под таким знаком. Так, анализ «Песни о вещем Олеге», которая сама по себе есть поэтическое воплощение предания, развернут с опорой на обширную историческую литературу; он приводит исследователя к мысли о столкновении в балладе (она же — «философская притча») «двух *вещих* знаний о жизни»,¹⁴ открывающем у Пушкина магистральную для него впоследствии тему соотношения поэта («кудесник») и «мирской власти» (Олег). Пушкинская «Песнь» тянет за собой большой историко-литературный контекст, включающий и отклики на нее «слева» (декабристы) и «справа» (Языков), и историю позднейшего стихотворения «Олегов щит» и стоящий за ним уже иной, тоже сложный, литературно-политический контекст: события Русско-турецкой войны 1828—1829 годов, стихи Тютчева как источник стихов Пушкина, противопоставившего тютчевскому «патриотизму» свою «осторожность» и сдержанность. По-своему неоднозначным оказывается под пером В. А. Кошелева и пушкинский замысел поэмы о Вадиме Новгородском (живя в Великом Новгороде, Вячеслав Анатольевич не мог обойти «местную» тему): в этом сюжете проступает не столько даже политическая (в свете которой обычно воспринимался этот легендарный герой) проблематика, сколько историсофская. Ключ к ней дают пушкинисту возникшие в одно время

¹¹ Кошелев В. А. «Онегина» воздушная громада... С. 119, 136.

¹² Там же. С. 141.

¹³ См.: Кошелев В. А. Пушкин. История и предание: Очерки. СПб., 2000.

¹⁴ Там же. С. 47.

с работой над «Вадимом» (1822) заметки о русской истории XVIII века, содержащие сложные, порой парадоксальные размышления о ходе исторических вещей. Ценностный выбор между «авторитаризмом» и «вольностью» оказывается не так прост, как казалось, например, литераторам декабристского лагеря: «Честолюбивый Вадим» <...> стремясь к реставрации “древнего порядка вещей”, неминуемо стремился к установлению собственной власти...»¹⁵ Сложная проблема не могла быть реализована в жанре романтической поэмы — и Пушкин оставил работу. До «Бориса Годунова» оставалось еще целых три года...

Очерки «Бова Королевич» и «Царь Салтан» возвращают нас к кругу проблем, затронутых в книге о «Руслане и Людмиле» (влияние фольклора и лубочной литературы). Вот здесь, в связи с традициями народной культуры, обращение к православному календарю оказывается более органичным и дает любопытные результаты. Так, простой хронологический подсчет, вызванный известными строчками «Сказки о царе Салтане...» о рождении царского дитяти («И роди богатыря мне к исходу сентября»); цензурный переписчик заменил «сентябрь» на «октябрь», но Пушкин восстановил нужный ему месяц!), позволяет развернуть важную для понимания поэтического мира пушкинской сказки атмосферу Святков (мотивы ожидания суженого, переодевания и проч.). Можно было бы принять и предложенную В. А. Кошелевым в очерке «Сват Иван» привязку к православному календарю появления коллективного экспромта Пушкина, Вяземского и Мятлева «Надо помянуть, помянуть непременно надо...», написанного 26 марта 1833 года, на следующий день после «родительской субботы», когда было принято поминать умерших близких. Мешает только одно обстоятельство, которое сам же исследователь и приводит: об «образцовых поминках» Мятлев пишет Пушкину уже 1 марта того же года, когда о «родительской субботе», наверное, еще не думалось.¹⁶

Связи пушкинского творчества с народной культурой прослеживаются и в очерке «Бесы разны», где одно из самых «загадочных» пушкинских стихотворений (конечно, это «Бесы», которые пушкинист трактует как «мятельный» пародийно-poleмический отклик на «Светлану» Жуковского с ее «прозрачной ясностью» и «завершенностью») становится отправной точкой для своеобразной «типологии» бесов у Пушкина (потому они и «разны»): «Бесы изначально живут по нормам “сниженной” морали — и в этом логи-

¹⁵ Там же. С. 106.

¹⁶ Там же. С. 180.

ка их обыденной жизни вполне соответствует характеру тех “соблазнов”, которые они устраивают людям». ¹⁷ Между тем затронуты в книге и новозаветные мотивы у Пушкина, которые В. А. Кошелев трактует, в соответствии с общей установкой и названием книги, «не столько с “богословской”, сколько с исторической точки зрения», ¹⁸ резонно возражая модной в постсоветское время тенденции искать в творчестве всех наших классиков признаки глубокой веры. Так, для понимания апокалиптических мотивов (очерк «Топот бледного коня») важно, что в пушкинское время Апокалипсис воспринимался не как нечто гибельное и ужасное, а как что-то не совсем ясное, не до конца истолкованное, как «пересечение сложных смыслов». Оно и становится предметом пушкинской поэтической рефлексии и в «Герое», и в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы». ¹⁹ Толкование стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...» (очерк «Арзрум нагорный»), где культура Востока и культура Запада резко разведены, потребовало от пушкиниста подробного экскурса в историю осмысления проблемы «Запад — Восток» как большой проблемы русского сознания и в собственно пушкинский литературно-биографический контекст. Наконец, в очерке «Русский бунт» аналогия «Пугачев — Наполеон» дает основания говорить о «процессе превращения эмпирической данности в национально-исторический миф», согласно которому Пугачев «оказался “очищенным” от окружающей суеты и осознан как выдающаяся личность, ставшая во главе “черни” и растоптанная тою же “чернью” именно потому, что “высоко залез”...» ²⁰

Если книга «Пушкин. История и предание» по отбору литературного материала прихотливо-мозаична, то близкая ей по научному подходу «Таврическая мифология Пушкина», хотя имеет «свободный» подзаголовок «Литературно-исторические очерки» ²¹ и хотя рецензент в «НЛО» (на сей раз это И. Булкина) склонна называть материалы книги, едва ли не намекая на их разрозненность и даже

¹⁷ Кошелев В. А. Пушкин: История и предание: Очерки. С. 214.

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ Ср. со статьей, в которой ученый анализирует известный поэтический диалог между Пушкиным и митрополитом Филаретом, вскрывая парадоксальность и глубину пушкинского, не сводимого к религиозным постулатам, понимания смысла человеческого бытия: Кошелев В. А. Пушкинские признания на день рождения // А. П., Ф. Д. и В. В.: Сб. науч. трудов к 60-летию проф. В. А. Викторовича / Отв. ред. М. Я. Сорникова. Коломна, 2010. С. 9—30.

²⁰ Там же. С. 334—335.

²¹ См.: Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина: Лит.-ист. очерки. Вел. Новгород; Симферополь; Н. Новгород, 2015.

случайность, вовсе «короткими (? — А. К.) заметками»,²² — сильна как раз своей монографической цельностью. Здесь все — о пушкинском Крыме, но не собственно биографическом (хотя без биографии не обойтись, и автор не обходится), а о воображаемо-поэтическом. То есть — именно об авторской «мифологии», о соотношении поэтического и реального в пушкинском творческом восприятии знаменитого полуострова (крымская тема, ее отражение в пушкинском «Отрывке из письма к Д.», рассматривалась ученым и в книге «Пушкин. История и предание»).

Тема оказывается обширной и многогранной, включающей такие, например, аспекты, как «ожившая античность», «окно в Европу», миф о Тмутаракани и «русском Крыме», судьба поэмы «Бахчисарайский фонтан», «колыбель Онегина», незавершенная пушкинская «Таврида» на фоне других «Таврид» (С. Бобров, Батюшков)... Творческие воспоминания о Крыме волновали Пушкина всю жизнь. Несколько недель, проведенные молодым поэтом в Крыму, стали для него своеобразным «эпицентром» многих тематических линий. Но, как ни странно, ни одной полноценной монографии об этом (несмотря на обильную «крымскую» биографическую пушкиниану) до В. А. Кошелева никто не написал.

Его работа — не описательная (хотя это и само по себе было бы уже неплохо), а концептуальная. Вот он рассматривает, например, предание о графине Потоцкой как прототипе Марии из «Бахчисарайского фонтана» или античный миф об Оресте и ПилADE в послании к Чаадаеву 1824 года «К чему холодные сомненья?...» (включая в поле своего внимания биографический аспект отношений Пушкина и Чаадаева) — и показывает, что Пушкин, «возвратившийся к “крымским” сюжетам в “далеком северном уезде”, помимо всего прочего, ставил целью преодолеть тот миф, который в течение пяти лет неволью возвращал в “священный Крым” его *воображение*...».²³ Здесь отчасти содержится ответ на интересующий уче-

²² Булкина И. [Рец.] // Новое литературное обозрение. 2016. № 3 (139). С. 363. Правда, здесь же у рецензента откуда-то возникает слово «статья». Перу И. Булкиной принадлежит отклик и на книгу «Пушкин. История и предание» (см.: Там же. 2000. № 5 (45). С. 421—423), но он написан в такой иронически-пренебрежительной по отношению к исследователю (которого, кстати, другой рецензент «Таврической мифологии...», профессор МГУ С. И. Кормилов, ушедший из жизни в одно лето с В. А. Кошелевым, назвал «одним из лучших наших пушкинистов и вообще историков русской литературы XIX в.»; см.: Кормилов С. И. [Рец.] // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2017. № 5. С. 235) и вообще к академической науке манере, что полемизировать с ним не хочется.

²³ Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. С. 45.

ного вопрос о том, почему некоторые свои стихи михайловского периода (в том числе то самое послание к Чаадаеву) Пушкин в печати датировал 1820 годом. С другой стороны, Пушкин, как полагает В. А. Кошелев, мог создавать и поддерживать некую «мифологию» вокруг своего имени. Так, его «недовольство» публикацией в «Полярной звезде» полного текста стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...» с «интимной» концовкой объясняется в книге «поддержанием <...> романтической роли “изгнанника”, томимого безответной любовью».²⁴

Важная грань «крымской мифологии» Пушкина — тема веры и безверия («тайны вечности и гроба»). Она запечатлена в его неоконченной «Тавриде», замысел которой В. А. Кошелев трактует как замысел поэмы (а не элегии; среди пушкинистов бытует и такое понимание). Ее творческая история полна «загадок» (здесь автор книги выступает как текстолог), и нити от нее протягиваются исследователем к разным пушкинским произведениям 20-х годов — от элегии «Надеждой сладостной младенчески дыша...» до «Евгения Онегина».

«Мифологичность» крымской темы у Пушкина проявила себя, как показано в книге, и в «постоянной актуализации» поэмы «Бахчисарайский фонтан» — то есть в ее многочисленных «перекодировках» на оперной и балетной сцене на рубеже XIX—XX веков. Небольшая глава, содержащая анализ стихотворения «Иностранке» («На языке, тебе невнятном...», 1822), напрямую с крымской темой не связана. По мысли В. А. Кошелева, на появлении этого стихотворения сказался вынесенный из Крыма интерес поэта к многонациональной России, к пестрой панораме «племен» и «наречий». Здесь, может быть, важнее кишиневские впечатления? Впрочем, и косвенные нити лишними не будут, а со временем могут оказаться ключевыми.

В нашей статье уже не раз звучало слово «миф», и звучало «с подачи» самого В. А. Кошелева, много размышлявшего о пушкиноведческой «мифологии» как следствии сакрализации фигуры великого поэта и ее «обрастания» всевозможными клише — и читательскими, и литературоведческими. Неспроста в названиях его трудов само слово «миф» — в том числе и в полемическом контексте — время от времени появлялось.²⁵ Давая на страницах литературно-

²⁴ Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. С. 57.

²⁵ См., например: Кошелев В. А. 1) Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин / Отв. ред. В. Б. Катаев. М., 1998. С. 147—154; 2) Пушкин и становление «кутузовского» мифа // Болдинские чтения. Саранск, 2010. С. 171—180.

художественного журнала, в статье с показательным названием «Пушкин без ретуши», советы, как правильно читать Пушкина, он первым делом заметил: «Необходимо воспринимать Пушкина безотносительно к пушкинскому “мифу”. Его стихи и проза не могут ни “подкреплять”, ни тем более “определять” текущую изменчивую идеологию».²⁶ Дело тут, как показывают труды самого В. А. Кошелева, не только в идеологии, но и вообще в стереотипах восприятия пушкинского творчества и пушкинской судьбы, которым нужно противопоставить, повторим, конкретные обстоятельства и конкретные источники.

В полемике с «мифами» исследователь, кажется, иногда жестковат, по меньшей мере — провокативен. Так воспринимается, например, его замечание (в книге о «Руслане и Людмиле») о том, что к творениям Радищева Пушкин относился «без особого почтения».²⁷ Всякому пушкинисту понятно, что породившая целую научную литературу и вызывавшая идеологические спекуляции в советское время проблема «Пушкин и Радищев» (кажется, эти спекуляции и есть в данном случае подспудный источник «раздражения») в реальности гораздо сложнее, чем это выглядит в броском пассаже ученого. Но такой полемический, «снижающий» смысловой и речевой жест был вообще в духе В. А. Кошелева. Помнится, на конференции «Проблемы изучения лирики в школе» (Арзамас, 2003 год) он разбирал «Зимнее утро» и произнес фразу о «красавице» (которую лирический герой призывает «проснуться»), наверняка смутившую слушателей — учителей-словесников, настроившихся было мысленно примерить выступление гостя-профессора к своей школьной практике: «героиня, с которой герой провел ночь» (да там еще и «лежанка» упомянута). С житейской точки зрения он, может быть, прав, и только наведенный на стихи «хрестоматийный глянец» и стереотипы работы со школьниками «среднего звена» мешают нам задуматься об этом (другой вопрос: нужно ли вообще переводить восприятие лирики на такой буквальный уровень?). Точно так же провокативно он вынес в название своей статьи о «Зимнем вечере» (тоже школьно-хрестоматийном) полуанекдотическую формулу «Предложение выпить»,²⁸ принадлежащую некоему школьнику, получившему от учителя нелепое задание «составить план» этого стихотворения. Между тем «предложение выпить» («Выпьем, добрая

²⁶ Кошелев В. А. Пушкин без ретуши // Звезда. 1999. № 6. С. 139.

²⁷ Кошелев В. А. Первая поэма Пушкина. С. 91.

²⁸ См.: Кошелев В. А. «Предложение выпить»: О стихотворении «Зимний вечер» // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Арзамас, 2008. Вып. 10 / Отв. ред. С. Н. Пяткин. С. 119–137.

подружка...») вовлекает у В. А. Кошелева в научный дискурс, как у него это обычно и бывает, широкий литературный контекст — от Державина до Николая Полевого, автора пародийного по отношению к Пушкину (а заодно и к Дельвигу с его стилизациями «в русском духе») стихотворения с таким же названием — «Зимний вечер». Так что Кошелев «снижает», но не снижения ради.

Мы заговорили уже не о книгах ученого, а об отдельных статьях, материалы которых в книгах не отражены. Их немало, и хотелось бы увидеть со временем сборник таких работ, разбросанных ныне по многочисленным журналам и сборникам; в него мог бы войти — хотя бы частично — и «пушкинский» раздел книги «Вологодские давности»,²⁹ написанной в череповецкий период работы литературоведа (кстати, в Вологодском пединституте он и учился). В этом разделе прослежены косвенные связи Пушкина с вологодской землей. Что касается возможной полемики с положениями В. А. Кошелева, которую мы себе здесь иногда позволяли, то любой научный труд хорош и силен, в частности, и тем, что оставляет поле для обсуждения. В работах безвременно ушедшего из жизни ученого бьется живой пульс филологической мысли. Мы уверены, что они еще не раз подскажут коллегам-последователям перспективные ходы и повороты — и, конечно, войдут, да уже и вошли, в золотой фонд нашей пушкинистики.

А. В. Кулагин

²⁹ См.: Кошелев В. А. Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1985. С. 143—220.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(*Государственный архив Новгородской области*)
Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(*Томский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023